

с разбойниками». В первой части описывается, как разбойники пришли к старцу и он не только позволил им забрать все, что было в келье, но после ухода их, заметив, что они оставили на стене мешочек, догнал и отдал его. Разбойники, тронутые этим «незлобием» старца, вернули ему все отнятое. Во второй части старец, выслушавший этот рассказ, вспоминает, что под впечатлением его он стал молиться: «Господи ... удостой следовать по стопам этого мужа». Через два дня к нему пришли разбойники, он принял их «с веселым видом», показал им все свое имущество, отдал «три номисмы» золота. Старца «шутливо» спросили, вернули ли ему потом разбойники все взятое, как первому старцу. «Нет, быстро ответил старец, боже сохрани! Я и не желал, чтобы они вернулись».⁴¹ Так поучительный вначале рассказ перешел потом в насмешку над добродетельным старцем. Но Симон не обратил внимания на эту шутливую ноту и напомнил своему адресату лишь поступок второго старца, проявившего истинно христианское отношение к богатству. Может быть, он счел нужным сделать это потому, что уж очень не «агиографически» предание рассказало и о жадности Арефы, и о его гневе на воров. «Бытовая» разработка темы в русском предании противопоставлена правоверно христианской трактовке аналогичного сюжета в восточном патерике.

Рассказы о «черноризцах печерских», обработанные Нестором, Си-моном и Поликарпом, подчинены, как и житие Феодосия, одной задаче — доказать особую «святость» Киево-Печерского монастыря и особую силу его подвижников. Но не всех этих подвижников они изобразили в соответствии с требованиями «агиографического стиля» — как «обобщенное воплощение добра». «Помыслы», «нрав» и поведение тех, кто не сразу и не во всем подчиняется требованиям устава, изображаются иными литературными средствами: герой «каким он должен быть», «агиографически просветленный образ», уступает место индивидуальному характеру, в котором еще не преодолено то, что, с точки зрения агиографии, является «временным», «случайным», «частным». Но это индивидуальное и интересует в первую очередь рассказчика, он уделяет наибольшее внимание именно этой теме. Лишь после преодоления всего этого «временного» герой снова становится примерным иноком, и вступают в действие приемы описания его «просветленного образа». Рассказывая об индивидуальных чертах характера и поведения святого, автор проникает в его «помыслы» и «нрав», откровенно признает, что иногда во имя «случайного», «временного» иннок поддается мирским соблазнам, забывает свои обеты. Литературное мастерство рассказчика раскрывается в тонких наблюдениях над внутренним миром героя, в анализе его противоречивых настроений, в изображении той конкретной исторической действительности, в обстановке которой происходят «срывы» подвижника и, наконец, побеждает непоколебимая верность иноческому обетам. Пусть традиционно все «греховные помыслы» и вытекающие из них поступки внушаются «ненавидящим добра врагом» человека, сами эти «помыслы» изображены психологически верно. «Идеальное преобразование жизни» прерывается и события предстают не в «самых общих очертаниях», а так осязательно, что мы видим сквозь рассказ будничную жизнь монастыря в его взаимоотношениях, не всегда без ссор складывающихся, с «миром»: то с князем, то с «извозниками», то с «неправедным судьей», то с голодающими горожанами, то с богатыми покровителями.

⁴¹ Луг духовный, стр. 262—266.